

РИНАТ
ВАЛИУЛЛИН

РИНАТ
ВАЛИУЛЛИН

ЛЕГКО-
МЫСЛИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
В15

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

В книге использованы рисунки автора —
Ринат Валиуллин

Художественное оформление — *Екатерина Фerez*

Внутреннее оформление — *Ирина Гришина*

Валиуллин, Ринат Рифович.

В15 Легкомыслие : [роман] / Ринат Валиуллин. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 288 с. — (Антология любви).

ISBN 978-5-17-100015-8

Легко ли сыграть роль любовницы на театральной сцене, если репетировать ее придется в личной жизни? И стоит ли так драматизировать, когда на кону мечта, а спектакль на каких-то пару актов? Новый роман Рината Валиуллина — своеобразная матрешка, где одна история скрывается в другой, одна тема порождает множество, задевает за живое многих — роковых или легкомысленных, многообещающих или пустых. Смешивая настолько разные ингредиенты в одном блюде: природу любви и муки творчества, испанскую корриду и закулисную возню, грусть психоанализа и радость любопытства, — автор лукаво подает его под названием «Легкомыслие».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-17-100015-8

© Валиуллин Р.Р., 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Выход всегда есть.

Искренне ваша, Дверь

Клубок из сюжетных линий прежде чем образовать узор распадается на узелки, которые всегда последовательны. Лишь иногда они нарушают порядок, чтобы доставить суть романа в нужное время в нужное сердце.

От Автора

Психо 1

Дождь капает, снег идет, время бежит. У Вселенной обычная утренняя зарядка. Мало того, что он постоянно сидел в ее голове, так иногда начинал бродить туда-сюда. Не было больше выхода, как налить ему бокал вина, чтобы он уgomонился. В итоге вчера налила два. Благо, что сегодня суббота. Она встала с постели, потянулась, достала, достала всех.

* * *

Я шла по улице, дома останавливались, долго смотрели, потом отворачивались от меня и в конце концов отставали. Может, походка выдавала, что я немного волновалась, ища поддержки, вглядывалась в небо. У неба были серые глаза, и это успокаивало.

— Добрый день, — сказала она в самые жабры домофона. — Мне нужен доктор Аурта.

— Добрый день. Вы по какому вопросу?

— По щепетильному.

— По щепетильному? — переспросили жабры поставленным мужским голосом.

— То есть мне нужна консультация. Я вам звонила две недели назад, может, помните?

— Хорошо, заходите, — засвистел доброжелательно вход, будто зеленый на пешеходном переходе дал добро. «Не помнит», — ответила про себя девушка. Потянула тяжелую дверь за ручку.

— От себя, — помог ей тот же голос. Теперь уже дверь схватилась за ее ручку и потянула на себя.

Я провалилась в подъезд, дверь за спиной закрылась, и оставила на пороге всякие сомнения. Внутри дома было тихо, пахло сталинизмом, за стеклом сидела бабушка в очках и что-то плела, то ли сплетни, то ли интриги. Увидев меня, она еще сильнее прижалась губами к телефону и встала, в это время сдвинулся с места лифт. Показалось даже, что между лифтом и ее посадкой есть какая-то

связь. Тяжелый, древний, он надвигался на первый этаж. Бабушка поправила стеклянные глаза и, ничего не сказав, села дальше плести свои кружева. Лифт сразу же остановился. «Прямая связь». Я поднялась по каменным ступеням. Лифт открылся, навстречу вышла та же самая бабка: «Вы к кому?» — «К доктору Аурта». — «Это второй этаж. Пешком вам будет ближе», — захлопнула она похозяйски его дверь. «Надо же? А пока молчала, была бабушкой». Ступени подняли меня на второй. Я остановилась напротив выдающейся двери под номером двадцать два, обитой черной кожей, и решительно позвонила. Через минуту замок тяжело захрустел суставами и открыл вид на мужчину в джинсах, рубашке и тапочках. «Неужели это доктор?»

— Проходите, — успокоил он девушку одним только словом. — Администратор сегодня ушла раньше, сам в роли портье.

— Мне кажется, одну из них я встретила, когда заходила в лифт.

— Вы про этих двух милых сестричек?

— Сестрички?

— Старушки тоже бывают близнецами. Я, когда в первый раз их увидел, думал, что

у меня раздвоение сознания. Потом привык. Им 180 на двоих.

— Солидно, — начала осваивать обстановку девушка. Тяжелая массивная мебель провожала ее из гардероба, где она оставила свое пальто, в кабинет, стены которого были из шкафов с книгами, последние теснились в очереди за стеклом с одним желанием: «Отдамся в добрые руки». Стены из кирпича, стены из букв, я — стена, доктор — стена, с той лишь разницей, что он уже открыл мне дверь, а мою? Я пришла за тем, чтобы он помог мне ее открыть.

— Присаживайтесь, — предложил психолог девушке место в большом кресле. Сам сел в другое, по диагонали, напротив. Хорошо, что стол остался сбоку и не мог нас разделять, иначе я непременно начала бы туда писать свои мысли. Дайте мне стол, и я найду, что туда написать.

Девушка играла в нерешительность. Было что-то нетронутое, несорванное в ее смуглом образе, будто пришла на съемки к Давиду Гамильтону, но не успела еще скинуть с себя теплое кремовое платье. Тот самый случай, когда образ еще не стал негативом.

— Садитесь, почувствуйте себя как у меня, — указал Герман на кресло, стоящее у стола.

Только теперь девушка как смогла украсила вискозным кремом кожаное кресло. Кресло показалось ей без удобств.

— Как вас зовут?

— Кто? — ляпнула внезапно девушка, исследуя кресло пятой точкой. В кресле было неудобно, не кресло, а чужая тарелка, из которой ее скоро психолог должен был съесть. Даже ее 42-й размер никак не мог найти себе места. Наконец, она закинула одну ногу на другую, колени встали одно на другое, как звенья в одной цепи. Теперь руки, не найдя им место, положила сверху на колени. Закрылась.

— Друзья.

— Друзья — Саня, Саша, родители — Шура.

— Очень приятно, Александра. Я — Герман Николаевич, для друзей — немец, для родителей — Гера.

— А почему немец? — стала она усиленно искать его во мне, будто хотела увидеть срочно подтверждения в виде каски, свастик

ки, Rammstein, на худой конец элегантного акцента.

— Герман — Германия — немец.

— Логично.

— Вам что больше нравится?

— Герман... Николаевич, — добавила она после паузы, рассматривая доктора. «Странный какой-то». У Саши не было большого опыта общения с психологами. Но доктора Аурта она представляла другим. Взрослого, в теле, в очках, с бородкой. В этом не было ничего похожего. «По крайней мере спокойный, но добрый», — заключила она про себя.

— Можно просто Герман, для экономии слов.

— Хорошо, Герман. Шла к вам долгих две недели, — в собрании сочинений заинтересовали Шуру часы на стене.

— Разве это долго? Две недели — это всего две субботы.

— Вы все субботамеряете?

— Не я, все так живут.

— А для меня это вечность, — все еще не могла оторваться от часов Саша. Собственно это была рама от картины, в которую вставили цифры и стрелки. Оригинальности до-

бавляло то, что рама была вытянутой, словно панорамный снимок... времени.

— Это потому что вы думали об этом постоянно.

— Это правда. И еще — о вашем слогане, он никак не выходил из головы:

«Выход всегда есть. Искренне ваша дверь».

— Неплохо, — удивленно натянул бровь как тетиву доктор, будто хотел стрельнуть взглядом на поражение.

— Вы сами это придумали? — увернулась от выстрела Саша.

— Нет, дверь.

— Вы смешной.

— Да, бывает, а вы... по какому вопросу? — снова попытался смутить пациентку доктор.

— Я тоже смешная, но вопрос сложный. Я даже не знаю, с чего начать, — на мгновение приоткрыла замок, но тут же снова захлопнула и вернула ладони на свое колено Александра. — А теперь он мне показался еще сложнее.

— Почему?

— Вы совсем не похожи на психолога.